

заметки по славянской и русской фонетике). Иными словами, *м*, как пишет А. И. Соболевский в другой своей работе — «Благозвучие в жизни языка», вытеснил в данном случае *н* «под влиянием губного *ф*», что и придало словам *уфимский*, *уфимец* ту звуковую гармонию, которая отмечена в середине прошлого века К. С. Аксаковым, а недавно К. И. Чуковским: «Язык отвергает всякую звуковую несладкую и требует — настоятельно требует — наиболее гармоничного сочетания звуков. Чтобы назвать жителя Баку, язык для благозвучия использовал суффикс со звуком *н*: баклинец. А чтобы назвать жителя Уфы, — суффикс со звуком *м*: уфимец. Всюду сказывается музыкальное ухо народа, не терпящего никакой какофонии» («Литературная газета», 6 октября 1962).

Вот еще примеры той же ассимиляции (уподобления одного звука другому), о которой писал А. И. Соболевский и которая действует в производных от географических имен: Брынь — брымский (пример Соболевского), с. Барда (Пермская обл.) — бардымский (Бардымский район), бардымец.

История слов *уфимский*, *уфимец* показывает, что в их производстве с самого начала участвовал обычный суффикс *-им-*, согласный звук которого изменился в *м*: при этом ассимилятивное воздействие звука *ф* было столь не безусловным, что понадобилось двести лет, чтобы эти слова бесспорно утвердились в их нынешнем звуковом облике. Поэтому нельзя говорить, что в современном русском именном словообразовании участвует суффикс *-им-*.

Прилагательное *уфимский* и существительное *уфимец* являются

словами, которые не отвечают типовым моделям литературного словопроизводства. Такие слова приходится держать в уме и — из памяти в память — передавать последующим поколениям.

Е. А. ЛЕВАШОВ
Ленинград

КИНЖАЛ

Слово *кинжал* давно уже вошло в русский литературный язык. Ипервые оно отмечено в «Рукописном лексиконе первой половины XVIII века», который недавно был издан Ленинградским университетом (1964). Первое толкование слова *кинжал* как остроконечного, короткого, к черенку широкого, обоюдоострого оружия дано в «Словаре Академии Российской» (СПб., 1789—1794). С этого времени слово не сходит со страниц толковых, этимологических и диалектных словарей, а в XIX веке под пером таких писателей, как Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой, оно обретает «права гражданства» в языке литературы.

К истории и этимологии *кинжал* обращались многие известные исследователи. В конечном счете все авторы видели в нем арабо-персидское слово, проникшее в русский язык через тюркскую среду. Наиболее интересные суждения об этом слове были высказаны

Н. К. Дмитриевым и Е. К. Бахмутовой.

В письменных памятниках XVI—XVII веков и в русских народных говорах *кинжал* и производные от него встречаются в нескольких фонетических вариантах: кинжал, кинджал, кинжалец, чипжалище, цинбалище. Эти звуковые различия Е. К. Бахмутова справедливо объясняет тем, что слово могло проникнуть в русский язык одновременно из нескольких языков вместе с вещью. Поскольку оружие прежде всего завозилось из Персии, некоторые варианты этого слова связаны с персидским *ханджар*. «На основе многовариантности этой формы лишь в XVIII веке в связи с процессом становления единого литературного национального языка... возникает самостоятельная русская форма, фонетически не выходящая за пределы типичных для иранизмов в русском языке звуковых колебаний: заднеязычных *к—х*, плавных *р—л*, заменой аффрикат на шипящий...» («Ученые записки Казанского пединститута». Вып. 3. 1940).

Рассуждения Е. К. Бахмутовой о персидско-русских звуковых соответствиях, к тому же не доведенные до конца (ничего не сказано о мене *а* через *и*), не дают, на наш взгляд, оснований для выводов, к которым пришел автор. Нельзя согласиться и с тем, что оружие (в том числе и кинжалы) прежде всего завозилось из Персии. Данные языка, истории, этнографии свидетельствуют о другом.

Известно, что «в платье обряды» терских казаков «не сходны с великороссийскими» и что «они (терские казаки) на черкесский манер в чекменах ходят» (М. О. Косвен.— «Исторический архив», 1958, № 5).

Казачья форма почти полностью была заимствована у народов Северного Кавказа. Составной частью этой формы был кинжал, обоюдоострое, заостренное и прямое к концу холодное оружие, которое тем и отличалось от искривленного турецкого или персидского кинжала. Кинжалы эти изготовлялись в Дагестане и были предметом торговли с соседями (см.: С. Д. Бурнашев. Картина Грузии или описание политического состояния царства Карглинского и Кахетии. Курск. 1793). Есть сведения, что «кинжалы, лучшие по Кавказу, в Андреевском селении [ныне Андрей-аул Хасавюртовского района ДАССР.— А. С.] выделяются» (А. М. Бутковский.— «История, география и этнография Дагестана». Махачкала, 1958).

Профессор Н. К. Дмитриев тоже видел в слове *кинжал* исторически персидское *ханджар*, однако считал, что слово это было заимствовано русским языком из персидского, но через посредство тюркских языков Кавказа и Малой Азии, именно через кумыкский. Что касается времени заимствования, то, по мнению Н. К. Дмитриева, это произошло «в петровскую эпоху, когда русские подошли к Тереку и познакомились с кумыками» («Лексикографический сборник». Вып. 3. 1958).

Известно, что с покорением Астраханского ханства в 1556 году Россия выходит к Каспийскому морю и налаживает дружественные связи с народами, населяющими Северный Кавказ. По свидетельству советских историков, уже во второй половине XVI века были установлены дружественные русско-кумыкские отношения (см.: С. Гад-

живеа. Кумыки. М., 1961). К этому же времени относятся и наиболее ранние случаи употребления слова *кинжал* в русских текстах: «И положил Сунгул бек шахово жалованье на князя Андрея: кафтан камчат золотой, да саблю, да кинжал, а подъячему саблю» («Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией». Т. 1. СПб., 1890). Кумыки — один из первых тюркских народов Северного Кавказа, с которым русские вошли в контакт и поддерживали оживленные торгово-экономические связи через Кизляр и Аксай — крупные центры по снабжению терских станиц одеждой, обувью, домашним скarbом и хозяйственным инвентарем. Они были ближайшими соседями русских, а в некоторых населенных пунктах проживали вместе с ними. Так, московский купец Ф. Котов, проходивший Терек в 1614 году, сообщал, что «на острове Чечень ловят рыбу терские люди и тарковские кумычане и горские черкесы» («Очерки истории Дагестана». Т. 1. Махачкала, 1957). В 1626 году терский воевода писал: «На Терек приезжают многие горские мурзы и уздени и их люди и живут на Тереке вместе с русскими людьми» (Е. Н. Кушева. Русско-дагестанские отношения XVI—XVII вв. Махачкала, 1954).

Лингвистические данные не противоречат сказанному. В тюркских языках Северного Кавказа интересующее нас слово встречается в виде *хынжал* (кумыкское), *хинджал* (карачаевское), *кынжал* (ногайское). Непосредственным источником заимствования слова *кинжал* могли быть кумыкский и карачаевский языки: ведь ногайцы заселили северокавказские степи только в XVIII веке. Если же судить по

историко-этнографическим и географическим данным, то можно думать, что русская форма *кинжал* скорее всего восходит к кумыкскому. При этом в русском языке слово подверглось фонетическому изменению, которое заключалось в замене *х* на *к* (ср. областное *коровод* и литературное *хоровод*, *курма* и *хурма*) и *ы* на *и*, поскольку в русском языке были невозможны сочетания *кы*, *гы*, *хы*.

Таким образом, слово *кинжал* было заимствовано еще в XVI веке из кумыкского языка терскими казаками, из речи которых оно позже проникло в русский литературный язык.

А. А. СЕЛИМОВ
Махачкала